

Сергей Феликсович Черняховский — доктор политических наук, профессор, действительный член Академии политических наук

Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я повернул обратно. <...> И с тех пор все тянутся передо мной кривые, глухие окольные тропы.

Братья Стругацкие «За миллиард лет до конца света»

Вспомнить о будущем

Россия сегодня живет без цели. И если даже не вспоминать морально-риторическое: «Нельзя жить без надежды», — жизнь без цели никогда и никого не приводила к успехам. Утвердившаяся четверть века назад или несколько более мысль о том, что «не нужно ничего строить — нужно просто жить», привела к тому, к чему она и могла единственно привести. К потере ориентиров развития, причем в итоге страна, с одной стороны, не достигла каких-либо стратегических успехов, но, с другой, и текущая жизнь для большинства стала скорее хуже, чем она была в ту пору. Дело даже не в неромантичности бесцельного и беспроектного существования. Дело в том, что, не зная своих целей, ни человек, ни социум

не могут соотнести собственные планы и действия. Они сегодня не закладывают основы будущего, но более того — вместо них создают препятствия, не позволяющие никуда двигаться завтра. Жизнь без целей, поставленных тобой, оборачивается подчинением целям другого. Вот уже скоро год, как в октябре 2011 года Россия, не оглянувшись, прошла юбилей события, о котором в любом случае стоило сказать: исполнилось полвека принятия Программы строительства коммунизма. Не заметив этого юбилея, общество не задумалось и о том, что эти полвека состоят из двух практически равных частей. Первые 25 лет, когда так или иначе считалось, что страна идет по обозначенному в 1917 и 1961 годах пути. И вторые 25 лет, когда она явно по этому пути идти и не пы-

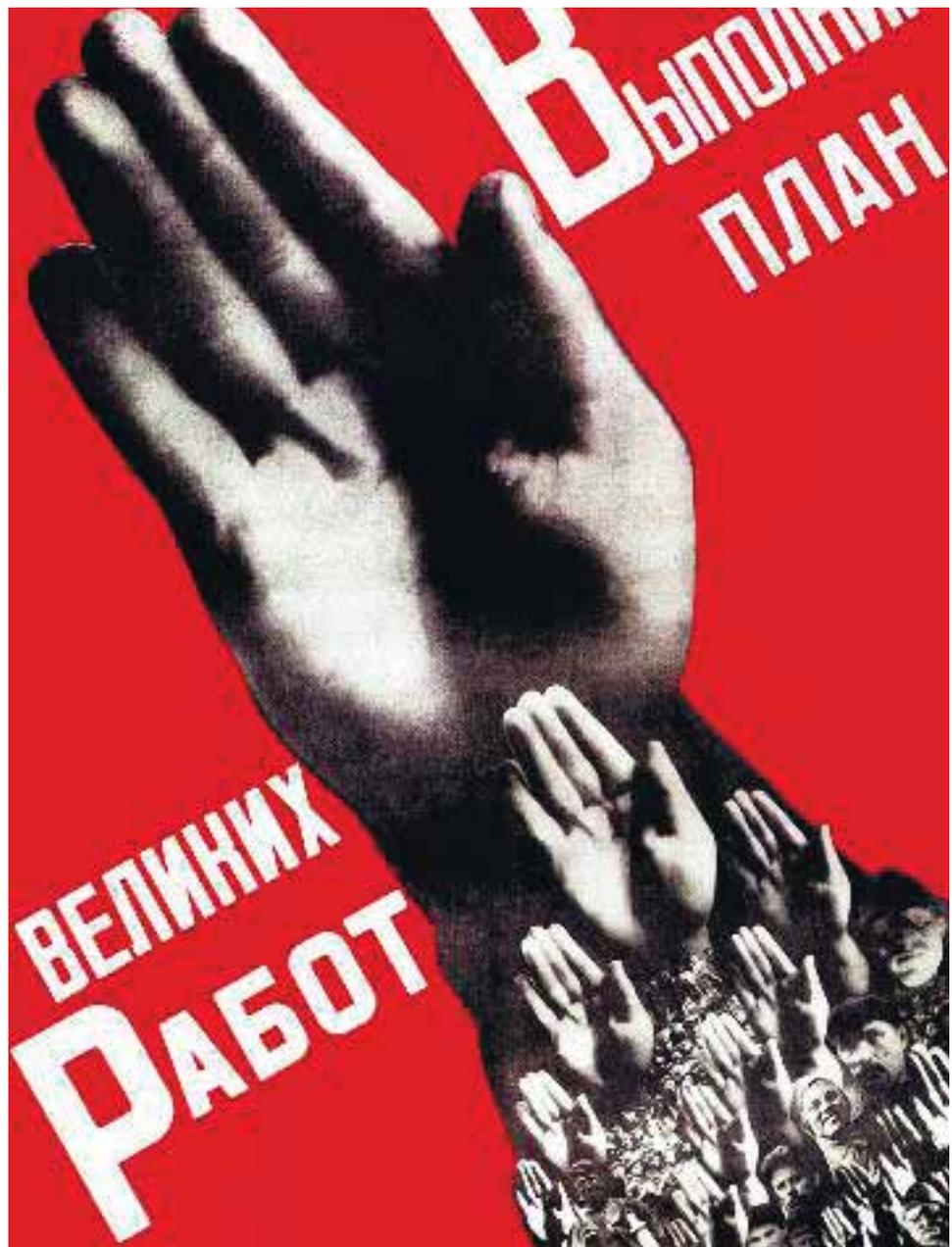
Вопрос, который сегодня хочется задать, выглядит, возможно, абсолютно несерьезным: а не построить ли нам коммунизм? Раз все равно мы не знаем, что строить вместо него, а идея не строить ничего оставляет в чистом поле среди развалин.

талась. И самое интересное, что если за первые четверть века она в той или иной степени действительно шла вперед, то вторые четверть века она либо разрушала созданное ранее, либо ходила кругами. Нельзя идти вперед, не зная, что ты хочешь получить в будущем. Российское общество сегодня этого не знает. И оказывается, что никакой цели, лучшей или худшей с точки зрения той или иной идеологической пристрастности, чем та, от которой отказались четверть века назад, не было ни сформулировано, ни провозглашено, ни поставлено. За исключением смутной и сомнительной — стать колониальной периферией иного мира. И уже даже не говоря о том, что этот иной мир сам сегодня не знает хотя бы приблизительно, что ему делать со своими проблемами, избранная цель — быть колонией — вряд ли достойна служения и вдохновения.

Но если так и нет иной сопоставимой цели, нужно как минимум предположить, не стоит ли все же пойти к отброшенной. И как минимум задуматься, зачем мы от нее отказались. Может быть, потому что сочли ее недостойной. Может быть, потому что сочли недостижимой. В обоих случаях, не исключено, мы были правы. Но не исключено, что и неправы. Не говоря уже о том, что цельто сама по себе имела все основания быть правильной и достижимой, но именно те, которые от нее отказались, попросту не сумели найти пути и средства ее реализации.

Вопрос, который сегодня хочется задать, выглядит, возможно, абсолютно несерьезным: а не построить ли нам коммунизм? Раз все равно мы не знаем, что строить вместо него, а идея не строить ничего оставляет в чистом поле среди развалин.

Конечно, если исходить исключительно из того, что

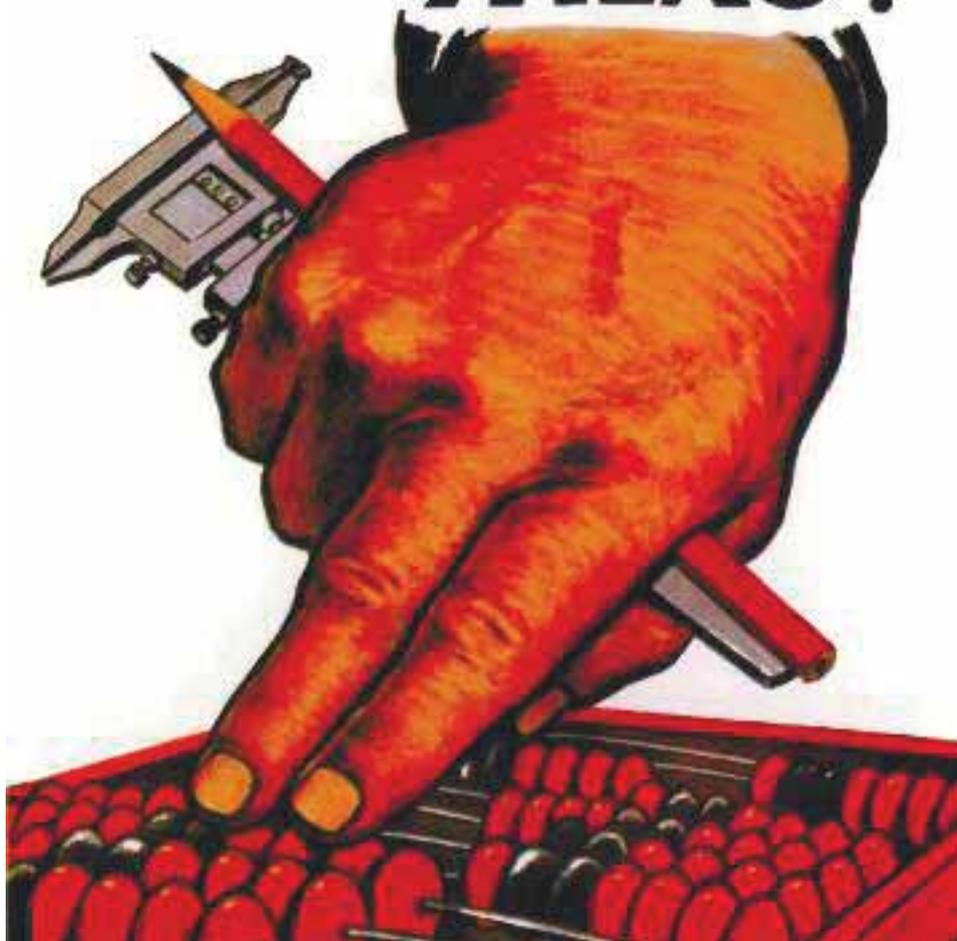
«коммунизм — это бесклассовое общество, где будет устранена эксплуатация человека человеком и осуществлен принцип распределения по потребности», то это будет теоретически правильно, но сегодня даже и не вполне понятно. И потому, что не совсем понятным окажется сам язык. И потому, что, хотя сегодня большинство граждан страны работают по найму, почти никто из них не в достаточной степени не понимает слово «эксплуатация». И потому, что в обществе не сложились адекватные социально-классовые самоидентификации. И потому, что распределение «по потребности» будет воспри-

нято не то как право не работать, не то как бессодержательная утопия.

Можно для простоты спор о тех или иных определениях вынести за скобки и говорить о смысле и сути, о том, что имелось в виду самим Марксом.

По его мысли, всю предыдущую историю человек был поработан необходимостью подчинять свою жизнь поиску средств пропитания и обеспечения первичных жизненных потребностей. Между тем по своим родовым признакам человек — существо, способное к творчеству и самим своим развитием имеющее в качестве внутреннего стержня творчество, созидательный

ХОЗЯЙСТВУЙ УМЕЛО!

Главная цель движения к коммунизму и ключевое содержание коммунизма – создание условий для свободного развития человека. Причем главное здесь вообще не то, как делить, а то, как производить, как сделать труд свободным. Вопрос в адекватной организации общества и дальнейшего развития производства.

труд. Чтобы дать человеку возможность реализовать эту способность, нужно освободить его не только политически, но и экономически от порабощения — необходимости постоянно думать исключительно о собственном материальном обеспечении. Возникновение крупной машинной индустрии, современных уже Марксу производительных сил объективно такую возможность создает. Вопрос в адекватной организации общества

и дальнейшего развития производства. То есть главная цель движения к коммунизму и ключевое содержание коммунизма — создание условий для свободного развития человека. Условий, при которых каждый был бы не обречен на повседневное добывание средств существования, а имел возможность развития собственного творческого потенциала, а труд из проклятия рабства становился бы способом самореализации личности. Идея

уничтожения частной собственности на средства производства при всей своей важности имела не целевое, а инструментальное значение. И заключалась не в том, чтобы лишить всех собственности и сделать равными в небогатом достатке. А в том, чтобы устранить такое положение, когда есть люди, лишенные собственности на средства производства, попадающие в зависимость от других людей, ее монополизировавших, и вынужденные работать не столько на себя и на общество, сколько на них. И в том, чтобы всех наделить собственностью на средства производства, то есть каждому открыть доступ к свободному труду, отвечающему его склонностям. Таким образом, главное здесь вообще не то, как делить, а то, как производить, как сделать труд свободным. При этом Маркс отлично понимал, что существовавшая крупная машинная индустрия создает возможности для такого положения дел, но еще его не обеспечивает. И сформулировал параметры, для подобного изменения необходимые, тогда еще не существовавшие, но возможные для достижения. **Во-первых**, наука превращается в непосредственную производительную силу.

Во-вторых, в результате такой фундаментальной трансформации роли науки «общественные блага пользуются, как из рога изобилия».

В-третьих, человек выводится из непосредственного процесса производства и становится над ним как организатор и контролер.

То есть как условие собственно коммунизма Маркс сформулировал идею того, что через век с лишним назовут информационным обществом. Кстати, Дэниел Белл в своем «Грядущем постиндустриальном обществе» откровенно написал, что его концепция

полностью основывается на идеях Маркса.

Отметившая в 2011 году свой полувековой юбилей третья Программа КПСС — «Программа строительства коммунизма» — определяла характерные черты этого общества:

- ♦ бесклассовый строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества;

- ♦ обеспечение всестороннего развития каждого человека;

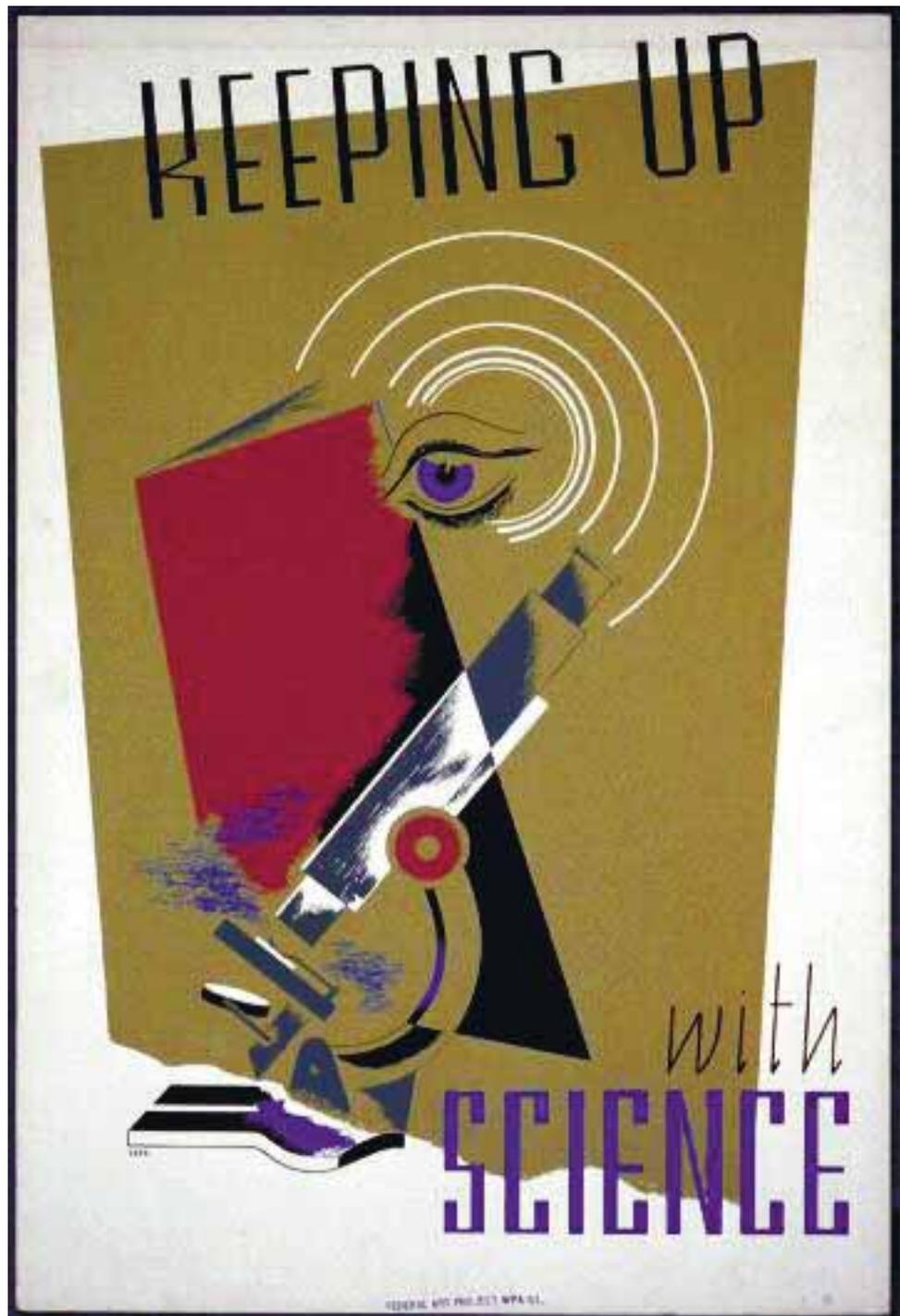
- ♦ производительные силы основаны на приоритетном и опережающем развитии науки и техники;

- ♦ в этом высокоорганизованном обществе свободных тружеников утвердятся полное общественное самоуправление;

- ♦ труд станет для всех первой жизненной потребностью;

- ♦ полностью будут реализованы способности каждого.

Хотя основой строительства коммунизма должно было стать создание материально-технической базы коммунизма, этот ориентир был лишь одним из трех условий создания такого общества. Другим условием называлось преобразование системы государственного управления в общественное самоуправление, предполагавшее активное вовлечение в этот процесс всех. Общественные функции, аналогичные привычным сегодняшним государственным функциям управления хозяйством и культурой, должны были утратить политический характер и перейти к органам самоуправления. Коммунистическое общество мыслилось как высокоорганизованное содружество людей труда. Третьим условием было формирование нового человека — высокообразованного, овладевшего богатством всей предшествующей культуры, относящегося к окружающим в соответствии с нормами братства, выше всего

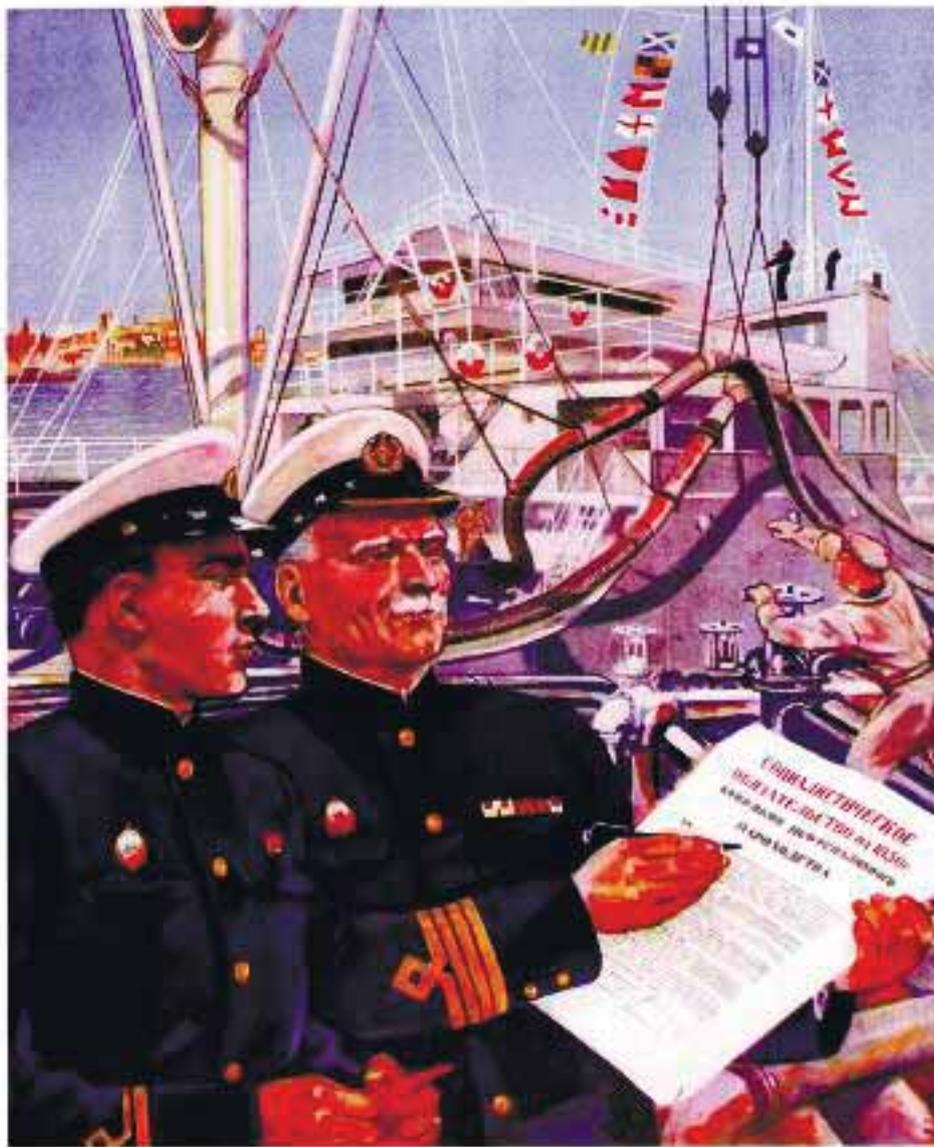
Надпись на плакате: «Иди в ногу с наукой» (англ.).

Наука превращается в непосредственную производительную силу. В результате такой фундаментальной трансформации роли науки «общественные блага польются, как из рога изобилия», а человек выводится из непосредственного процесса производства и становится над ним как организатор и контролер.

ценящего возможность творчества и увлеченного любимым трудом.

Может быть, в самой лаконичной и яркой форме суть

коммунизма в свое время выразил Маяковский, сказавший: «Социализм — это свободный труд свободно собравшихся людей». Если в 2011

БОЛЬШЕ ПЕРЕВЕЗЕМ НЕОТИ

Так чего же мы, в конце концов, хотим? Страну, производящую научные знания и на их основе обеспечивающую функционирование своего производства, – или страну, поставляющую сырье и зависимую от чужих технологий?

году свое пятидесятилетие отменила Программа строительства коммунизма, то в этом году исполняется полвека со времени выхода в свет основополагающего романа Стругацких «Полдень, XXII век» – пожалуй, самой яркой и реалистичной картины будущего. Авторы даже упрекали потом, что они лишь художе-

ственно расцвели образы, заложенные в партийную Программу. Хотя на само деле основная часть составляющих книгу новелл была написана и даже опубликована еще до принятия официального коммунистического документа. Просто и их книга, и третья Программа КПСС отражали те настроения, которые суще-

ствовали в обществе. Настроения, которые заключались в восприятии не только идеального, но и того, что осознавалось реальным и возможным. Сами Стругацкие дали одно из наиболее четких определений сути коммунизма: общество, в котором люди свободны, увлечены свободно выбранным ими трудом и ни от чего не получают – и по сути своих устремлений не могут испытать – большей радости и наслаждения, чем от этого свободного труда.

Кстати пресловутая дата 1980 года, всерьез или с сарказмом называвшаяся рубежом предполагавшегося и неисполненного завершения строительства коммунизма, была сроком создания лишь его материально-технической базы. Имелось в виду, что к этому времени общество только «вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям», произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Полностью построение коммунистического общества предполагалось завершить в последующий период, примерные хронологические рамки которого на тот момент еще только должны были стать предметом обсуждения и планирования.

Особо подчеркивалось, что развитие общества и производства будет обеспечиваться «не путем принуждения, а на основе понимания общественного долга», диктоваться «всемирным укладом коммунистического общества». При этом «труд и дисциплина не будут в тягость человеку», а «трудовая деятельность перестанет быть только средством к жизни и превратится в подлинное творчество, источник радости». Что не удалось, почему не удалось, кто в этом виноват – и кто просто был заинтересован в том, чтобы оно не уда-

лось, — вопросы естественные и огромной исторической и политической важности. Но это вопросы самостоятельные и отдельные. В данном случае речь идет о другом.

Если несколько уточнить терминологию, то создание коммунистического общества — это решение трех задач. Если описывать их не в рамках той или иной политико-идеологической пристрастности, а на технологически-функциональном языке, то задачи выглядят следующим образом.

Первая — создание постиндустриальных производства и экономики информационной эпохи, основанных в первую очередь на достижениях передовой науки, предполагающих, что все трудовые операции, не требующие самостоятельного принятия решений, переданы технике и автоматике, а за человеком сохранены лишь операции с самостоятельным принятием решений. То есть *человеку оставлен лишь тот труд, который требует от него и дает ему возможность творческой реализации.*

Вторая — учреждение всеохватывающего общественного самоуправления, в котором будут принимать участие все заинтересованные граждане. Понятно, что если не исповедовать идею экспорта революции и совершения ее в форсированном темпе в мировом масштабе, общество будет нуждаться в системах, защищающих его от возможных внешних угроз. Но все остальное действительно передается самоуправлению. Это можно называть хоть системой полновластия Советов, хоть развитым гражданским обществом. Хоть земством. Хоть соборностью. Хоть Джамахирией. Хоть Коммуной. От названия не меняется суть — люди, а не отстраненный от них бюрократический аппарат решают проблемы организации своей собственной жизни.

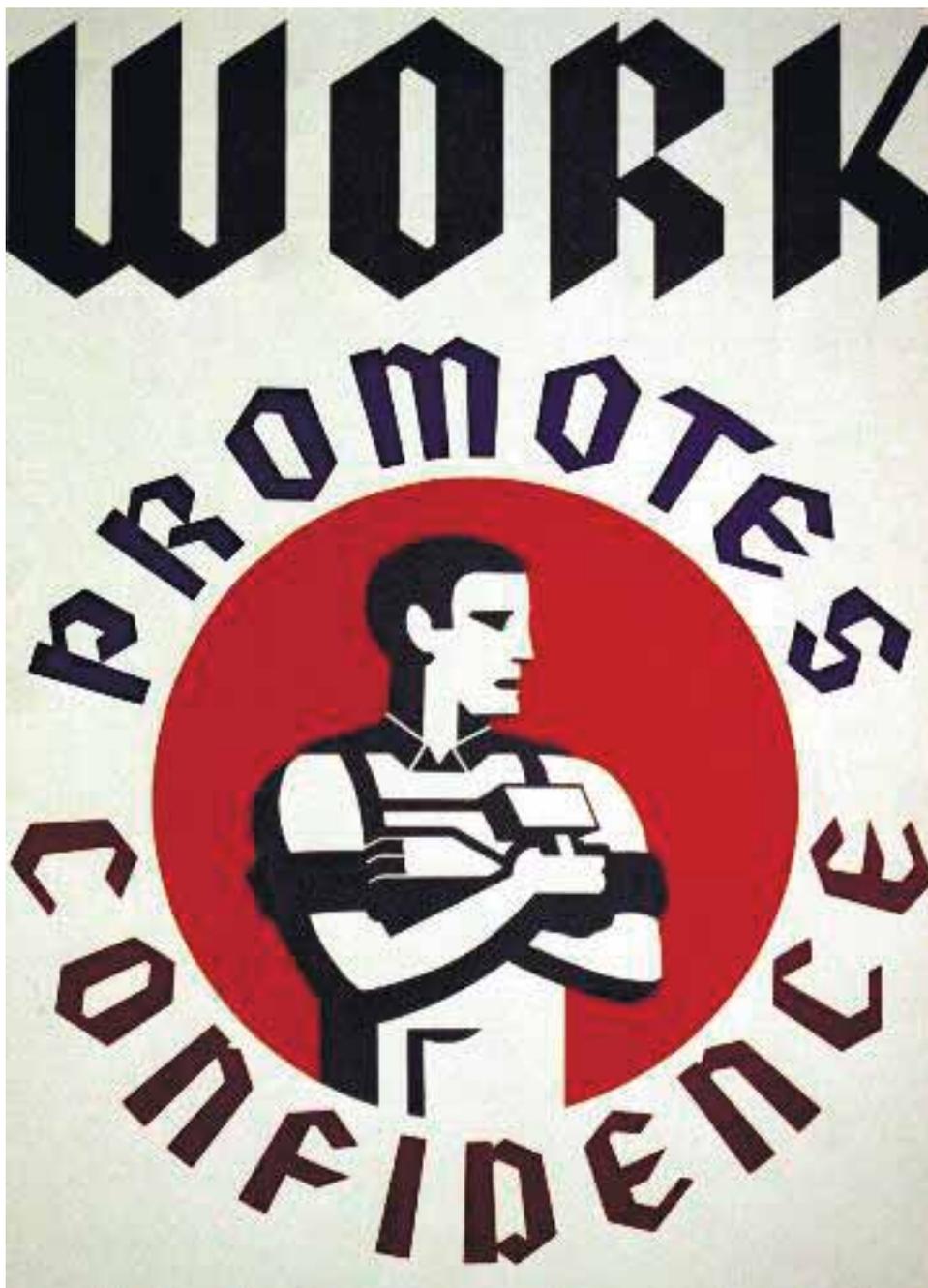

Так чего же мы, в конце концов, хотим? Страну, основанную на коллективном участии и общественном самоуправлении, — или страну, опекаемую «Железной пятой», как раз сто лет назад описанной Джеком Лондоном, — и хорошо еще, если своей отечественной?

Третья — развитие человека, предоставление ему всей полноты доступа к образованию и культуре, формирование его отношения ко всем согражданам как к братьям. По-сути, утверждение принципа: «Отнесись к другому так, как хочешь, чтобы отнеслись к тебе». И создание возможностей и

потребности реализовывать себя в творческой созидательной деятельности художника, врача, инженера, исследователя, поэта, учителя. В целом — превращение в непосредственную производительную силу не только науки, но и собственно человеческой творческой способности.

Надпись на плакате: «Работа дает уверенность» (англ.).

Так чего же мы, в конце концов, хотим? Страну, где человек ни от чего не получает большего наслаждения, чем от своего любимого труда, – или страну, где он ни от чего не получает большего наслаждения, чем от счета в зарубежном банке и поездки в Куршевель?

Превращение человека из потребителя в творца, свободного времени из не всем доступной роскоши – в главное богатство, самого общества из общества, где главное – потреблять, в общество, где главное – познавать и созидать. Постановка вопроса о строи-

тельстве коммунизма иногда в повседневно-пропагандистском плане сводилась к тезису: «Будете хорошо работать – построите коммунизм, а вот там вам все достанется». Здесь на деле существенно сместились акценты и приоритеты: эти цели – не вознаграждение

за праведную жизнь и послушное поведение, не то, чем коммунизм обещает отплатить за идеологическую верность. Эти цели – его суть.

Вопрос: «А не построить ли нам коммунизм?» – это вопрос о том, хотим мы общества с описанными выше параметрами или не хотим. Если не хотим, тогда какое общество нам нужно? Живущее по законам шариата? Реабилитировавшее «Майн Кампф»? Принявшее за основной закон «Домострой»? Колонию США, живущую под управлением комиссаров ОБСЕ, десять лет назад описанную в антиутопии Рыбакова «На будущий год в Москве»? Россия под протекторатом ОБСЕ. В Ставрополе шариатский суд судит Шаманова и Трошева. По всей стране выискивают «военных преступников». Запрещены советские фильмы, не имеющие разоблачительной по отношению к тоталитаризму направленности. Включая «Бриллиантовую руку» и «Доживем до понедельника» – как показывающие, что при тоталитаризме могли быть хорошие люди. В школах – комиссары ОБСЕ – завучи. Запрещена героизация тоталитаризма, запрещено утверждать, что войну против Германии выиграл СССР. Зато в школах же свободно продаются сигареты и пиво – свобода подростков не должна ограничиваться. Для проезда из Ленинграда в Москву нужно представить обосновывающие документы и получить разрешение комиссаров ОБСЕ – во избежание неконтролируемой миграции. Ну, и так далее. В художественном плане это как раз то, что год назад в иной лексике предлагалось в инсоровско-юргенсовских докладах.

Так чего же мы, в конце концов, хотим?

Страну, производящую научные знания и на их основе

обеспечивающую функционирование своего производства, — или страну, поставляющую сырье и зависимую от чужих технологий?

Страну, основанную на коллективном участии и общественном самоуправлении, — или страну, опекаемую «Железной пятой», как раз сто лет назад описанной Джеком Лондоном, — и хорошо еще, если своей отечественной?

Страну, где человек ни от чего не получает большего наслаждения, чем от своего любимого труда, — или страну, где он ни от чего не получает большего наслаждения, чем от счета в зарубежном банке и поездки в Куршевель?

Все сводится к ценностным и морально-риторическим вопросам. Так ведь развития без ценностей вообще не бывает. Если более технократично, то что значит сегодня в России строить коммунизм?

(Как сказал года три назад назначенный ответственным за атомную промышленность Кириенко: «Товарищи (sic! — С. Ч.), по решениям XXVI съезда КПСС уже к концу 1980-х годов нужно было построить полдюжины новых передовых реакторов. А мы их до сих пор не построили. Может быть, пора начать выполнять решения партии?»)

В первую очередь — это приоритетное развитие отраслей, обеспечивающих научно-технический прогресс, фундаментальной науки и технологического-производящих направлений с параллельной организацией реконструкции существующих производств на технологиях, которыми располагают отрасли, остающиеся лидерами в своих сферах, и технологиях, которые удастся получить извне.

Центральная проблема здесь — создание именно такого производства, в котором все, что не требует самостоятельного решения, отходит технике.

Все, что требует таких решений, отходит человеку.

С одной стороны, стоит задача освобождения человека от неинтересного труда, с другой — его использование там, где наибольшую отдачу могут дать его творческие способности, умение принимать нестандартные решения.

Стоит вопрос и о собственно технологической реконструкции — то есть старая тема создания новых материалов, нового типа энергопотребления, нового использования продуктов топливно-энергетического комплекса.

Опять-таки, если вспомнить, задача преимущественного использования нефти и газа как сырья для химических производств, а не как топлива тогда, полвека назад, хотя бы ставилась. Сегодня, через полвека, о ней вообще никто не говорит. Хотя уже давно известно, что себестоимость производства электроэнергии на атомных станциях в три-четыре раза ниже производства ее на ТЭС. И экологически безопаснее. Точно так же известно, что если просто ввести в строй все остановленные после Чернобыля реакторы и достроить все замороженные, можно обеспечить энергетическое потребление страны только на этой основе. А сырье, предназначенное для сжигания, направить либо на производство новых материалов, либо на внешний рынок. Такой ход приведет к снижению до трех раз внутренней цены на электроэнергию — и для граждан, и для промышленности — с последующим снижением цены и на ее продукцию.

Еще тогда, полвека назад, говорили о задаче замены механической обработки материалов химическими методами, технологическим использованием электроэнергии, электрохимией и ультразвуком.

Ясно также, что техническая и технологическая реконструк-

ция — это обязательно вопрос повышения производительности труда. Что Россия по этому показателю сегодня отстает от тех же Соединенных Штатов — общее место. Но то, что государство не занимается развитием и реконструкцией производства и созданием высокотехнологической индустрии, — тоже общее место.

Для создания нового производства нужна не двухуровневая система образования, производящая магистров — для научных исследований, а бакалавров — для выполнения инструктивных задач. Требуются образовательные учреждения, выпускающие инженеров-специалистов, способных организовывать новое производство и инициативно решать встающие в ходе его создания задачи. Бакалавры если и нужны, то именно для рабочих специальностей, то есть для подготовки и оформления статуса высококвалифицированных рабочих — людей, занятых физическим трудом с преобладанием интеллектуальных функций, требующих самостоятельного принятия решений.

Понятны проблемы, которые страна имеет с сельским хозяйством. И понятно его отставание в советский период. Только все предпочитают забывать, что при отставании по уровню технической вооруженности от США примерно в 16 раз, мы по сельскому хозяйству отставали от Америки примерно в 4–6 раз. То есть уровень эффективности использования имевшегося в СССР оборудования и техники был в несколько раз выше, чем у нашего ведущего конкурента.

Точно так же почему-то старательно забывается, что наиболее эффективным видом сельскохозяйственного предприятия в тех же Соединенных Штатах является не отдельное фермерское хозяйство,

как нас уверяли четверть века назад. Таковым оказывается хозяйство с площадью примерно в 1000 гектаров, несколькими десятками работников и полной компьютеризацией, позволяющей в зависимости от влажности, ветра и температуры определять тонкости производимых в тот или иной день работ.

Понятно, что нормализация деятельности производства (а теперь и просто его воссоздания) требует иной транспортной системы, чем та, которая имеется сегодня в России. И дело не только в низком качестве шоссейных дорог. Задача полного освоения водных путей ставилась еще в том же 1961 году. Но сегодня символом речного пароходства стал теплоход «Булгария». Из одного региона в другой самолеты летают подчас только через Москву, европейская часть страны связана в Дальнем Востоке одной нитью железной дороги. Почти не используется Северный морской путь, хотя транспортировка из тихоокеанского региона в Европу через него в несколько раз выгоднее транспортировки через Суэц и только сама по себе могла бы принести огромные дивиденды в бюджет страны. Не разработана и почти полностью забыта идея создания Среднесибирского железнодорожного пути по линии Свердловск—Тюмень—Якутск с дальнейшим раздвоением — на Чукотку и на Владивосток, хотя это и означало бы освоение сегодня полюбившихся регионов, их заселение и создание приемлемой для комфортной жизни среды в новой зоне страны. Между тем задача освоения и заселения западносибирских областей тоже была поставлена в Программе строительства коммунизма.

То ли мы определяем, что все это делать вообще не нужно. И Программа была плоха тем,

что эти задачи ставила. Но тогда нужно поставить другие задачи. То ли мы признаем, что они были правильными, но Программа неверно определила пути их реализации. Однако в таком случае отказ от нее выглядел бы обоснованным, если бы у страны имелись реальные альтернативы развития. И за последнюю четверть века она ощутимо продвинулась в направлении их другими способами. Но этого нет.

Строить коммунизм сегодня — значит создавать преимущественные условия для науки и культуры. Когда-то, как раз после принятия Хрущевым этой Программы, президент Кеннеди сказал, что Америка никогда не догонит СССР, «если не создаст своим интеллектуалам таких же привилегированных условий, как Советские создали своим». Штаты такие условия создали — Россия уничтожила.

Сегодняшняя Россия никогда не вернет себе достойного места в мире, если не создаст для собственных ученых и инженеров такого положения, которое бы сделало их моторами форсированного движения вперед.

России нужно новое производство. Нужны новые технологии, новые материалы, новая медицина, развитие атомных отраслей, освоение космоса, биотехнологии, новая транспортная система, новое продовольственное производство, информационные технологии и робототехника, общественная самоорганизация граждан и специалистов, новый тип стимулов к труду и новый характер самого труда, восстановление культуры. Наконец, нужны люди, умеющие читать книги, а не только записи в блогах сумасшедших.

Просто, в конце концов, нужна осмысленность существования.

России сегодня необходима такая структура экономики,

при которой 1—2 процента трудоспособного населения будут заняты в производстве аграрной продукции. А 10 процентов — в традиционном промышленном производстве. Но только при этом 90 процентов населения должны быть заняты в индустрии новых знаний и новых технологий, позволяющих первым двум группам обеспечивать материальные потребности общества. Все описанное России насущно требуется делать и создавать. Потому что иначе она не сохранит ни свою независимость, ни свое существование. Нельзя отказываться от создания всего названного на том основании, что это в свое время было обозначено словом «коммунизм», которое кого-то пугает.

Можно спорить, возможно ли бесклассовое общество. Но на сегодняшний день от 60 до 70 процентов граждан живут за счет продажи собственной рабочей силы по найму. Порядка 30 процентов получают стипендии и пособия. 3 процента добывают себе пропитание, занимаясь мелким бизнесом без найма других работников. И лишь 1 процент получает доход от использования наемной рабочей силы.

Получается, что, в отличие от начала XX века, сегодня созданию бесклассового общества препятствует существование от силы 1—4 процентов представителей иного класса.

Можно спорить, с помощью какой экономики получится достигнуть обозначенные цели — рыночной или плановой. Но если одни скажут, что у второй это не получилось, другие могут резонно заметить, что в ином случае удалось лишь откатиться назад на еще большее историческое расстояние.

Дело не в концептуальных пристрастиях. Коммунизм, в конце концов, — дело не идеологической верификации, а практики.

Рынок плох не тем, что он апеллирует к материальным стимулам — этим он как раз хорош. Он плох тем, что апеллирует к стимулам краткосрочным — толкает к тому, что выгодно делать сегодня, невзирая на последующие результаты. Стратегические задачи, подобные переходу от одного типа производства к другому, получается решать только в рамках стратегических — то есть долгосрочных — стимулов. Можно спорить о чем угодно, но нужно определять узловые моменты, когда приходится признавать: так — не получается, поэтому от не оправдавших себя одних инструментов переходим к другим, альтернативным. Если период с 1961-го по 1986 год оказался более успешным, чем период с 1987-го по 2012-й, значит методы первого периода были более эффективными, чем методы второго. Думать, что другие страны и транснациональные корпорации будут давать деньги на то, чтобы Россия становилась в XXI веке технотронной капиталистической сверхдержавой, — все равно что рассуждать о возможности турецкого султана стать римским папой: им это и не нужно, и опасно. Если они и будут давать на что-то деньги, то только на то, чтобы Россия никогда таковой не стала. Следовательно, свои задачи ей надлежит решать самой.

Сосредоточить средства на ключевых направлениях. Отработать технологии. Создать определяющие будущее технологическое наступление ключевые плацдармы. Прорваться и закрепиться на них — и подтягивать отстающие отрасли. Честно сказать людям о целях — и признать, что это будет нелегко. И идти вперед, каждую неделю открыто говоря о том, что удалось, а что не удалось. И что помешало. Создать свободное общество можно, только создав эконо-

Требуются образовательные учреждения, выпускающие инженеров-специалистов, способных организовывать новое производство и инициативно решать встающие в ходе его создания задачи.

мику свободного общества на пути технократического прорыва. Технократический прорыв в полной мере возможен только при опоре на готовность человека открывать, изучать, конструировать, строить. Гуманизм не будет реализован без технократизма. Технократизм бессмыслен и контрпродуктивен без гума-

низма. Соединение технократизма и гуманизма — собственно говоря, и есть коммунизм. Если мы хотим спасти страну — и путь ее спасения нам предлагает только коммунизм — нужно спасти страну и не комплексовать по поводу того, что кому-то не нравится термин, академически определяющий путь спасения. (P)